

Ю. ДОЛАНСКИЙ

ХЕРАСКОВ И ГАВЛИЧЕК

В богатой истории чешско-русских литературных взаимосвязей до сих пор не обращалось достаточного внимания на русскую литературу XVIII в. Между тем она была чрезвычайно близка идеям чешского национального возрождения, в котором вплоть до середины XIX в. можно найти ее отзвуки. Следы влияния русской культуры на чешских писателей порой обнаруживаются там, где они до сих пор совершенно не предполагались. В качестве примера я хотел бы привести известную сатиру Карла Гавличка Боровского «Крещение святого Владимира». ¹ Конечно, всегда само собой подразумевалось, что эта сатирическая «легенда из русской истории» связана с русской средой уже самим сюжетом, хотя политическое острие сатиры было направлено против реакционного режима абсолютистской Австрии. Сам Гавличек в четвертой песне «Крещения св. Владимира» указывает, что он читал об этом в сочинении, «которое ... оставил Нестор внукам на память», ² т. е. в «Повести временных лет». Таким образом, с этой точки зрения связь чешского «Крещения св. Владимира» с Русью и русской культурой всегда была ясной и безусловной. Однако, насколько мне известно, в обширной научной литературе о Гавличке осталось незамеченным, что его «Крещение св. Владимира» имело двух значительных предшественников уже в русской литературе XVIII в. Это были «трагедокомедия» «Владимир» Феофана Прокоповича (1705 г.) и «эпическая поэма» «Владимир» Михаила Хераскова (1785 г.).

Каково было отношение Гавличка к обоим этим сочинениям? Могли ли они быть ему известны до того, как он начал писать свое «Крещение св. Владимира», где разработана подобная историческая тема? В чем он сходилсся со своими русскими предшественниками и в чем от них решительно отличался? Можно ли пред-

¹ См. о ней: С. В. Никольский. Карел Гавличек Боровский. — В кн.: Очерки истории чешской литературы XIX—XX вв. Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 142 и сл. и особенно стр. 153—156.

² Все цитаты из поэмы К. Гавличка «Крещение св. Владимира» даны в подстрочном переводе, — Ред.

положить, что один из них, хотя бы отчасти, даже вдохновил Гавличка на сатиру «Крещение св. Владимира»?

Находясь в период с февраля 1843 г. по июль 1844 г. в Москве, молодой чешский писатель имел достаточно возможностей глубже познакомиться с русской литературой. Будучи воспитателем в семье профессора Шевырева, Гавличек вращался в высококультурной среде. В Московском университете он часто встречался с проф. О. М. Бодянским, пользовался как его библиотекой, так и библиотекой Шевырева...³ Нет сомнения в том, что в обеих этих библиотеках была представлена и русская литература XVIII в., особенно такие значительные авторы, как Херасков (его «Эпические творения», куда входила и поэма «Владимир»). Сам Гавличек нигде не упоминает о том, что он когда-либо читал Хераскова. Совершенно очевидно, что он не знал «трагедокомедию» Феофана Прокоповича, которая была напечатана гораздо позднее.⁴ Правда, она имелась в Москве в нескольких рукописях, но они были написаны украинской скорописью середины XVIII в.,⁵ и даже если бы Гавличек имел к ним доступ, едва ли он сумел бы их прочесть.

По свидетельству самого Гавличка, он начал писать «Крещение св. Владимира» еще в Москве. Позднее он так вспоминал об этом: «Лет десять тому назад, в 1842—1844 годы, при изучении в Москве русской истории мне пришла в голову мысль сделать царя Владимира ... предметом шутливой поэмы; тогда же я написал и несколько ее стихов, в которых, однако, не содержалось никаких намеков на современность. Вообще, эта поэма писалась в слишком шутовском тоне, чтобы я мог думать об ее опубликовании; да я ее так и не окончил».⁶ Из этого признания следуют два факта. Автор здесь указывает, что еще в Москве он задумал написать травестийную поэму о Владимире, под влиянием изучения русской истории, особенно Нестора, на которого он ссылается в своей сатире. Но в то же время здесь нет никаких намеков на то, что вдохновил его на поэму «Крещение св. Владимира» кто-нибудь из других русских писателей.

Говоря о Хераскове и его «Владимире» как об одном из предшественников «Крещения св. Владимира» Гавличка, мы, естест-

³ См. об этом подробно: Jul. Dolanský. Stopami buditelů. Praha, 1963, стр. 215 и сл., стр. 238 и сл.

⁴ Впервые ее издал Ник. Тихонравов в книге: Русские драматические произведения 1672—1725 годов, т. II, СПб., 1874, стр. 280—344. Несколько отрывков из нее напечатал также П. Пекарский в первом томе книги «Наука и литература в России при Петре Великом» (СПб., 1862, стр. 416—421), уже после смерти К. Гавличка.

⁵ См. об этом: И. П. Еремин. Предисловие. — В кн.: Феофан Прокопович, Сочинения, под ред. И. П. Еремина, Изд. АН СССР, М.—Л., 1961, стр. 8—10.

⁶ Karel Tůma. Karel Havlíček. Praha, 1890, стр. 590. Цит. по кн.: Hryh. Omel'čenko. Dějiny textu básně Křest sv. Vladimíra K. Havlíčka-Borovského. Praha, 1933, стр. 18.

венно, совершенно оставляем в стороне анализ сложного действия пространного русского эпоса. Нет никаких точек соприкосновения между «легендой» Гавличка и повествованием Хераскова о двух убитых варяжских христианах, о любви Владимира к христианской девушке Версоне, невесте Законеста, о двух старых братьях Пламиде и Идолеме, первый из которых был языческим жрецом, а второй — христианином. Совершенно чужд был Гавличку сказочно-аллегорический мотив волшебного светильника, данного Идоломом Владимиру, который отправляется в далекий путь на поиски истины (в духе представлений масонов-розенкрейцеров в России во времена Екатерины II). Содержание большинства частей, начиная с шестой песни второго издания, посвящено у Хераскова приключениям и походам Владимира в поисках истины, его борьбе с соблазнами. Все это было очень далеко от интересов молодого чешского сатирика.

Тем не менее бесполезно обратить внимание на некоторые факты. Будучи в Москве, Гавличек много читал из русской литературы; едва ли мимо его внимания прошли и произведения Хераскова, одного из наиболее выдающихся русских поэтов допушкинской поры. Кроме того, первые два тома «Эпических творений» М. Хераскова, содержащие в числе других и его «Россиаду», и «Владимира», в 1796 г. появились и в Праге и после 1818 г. хранились в фондах библиотеки Национального музея.⁷ Таким образом, Гавличек мог познакомиться с ними даже еще до своего отъезда в Россию. Ант. Яр. Пухмайер перевел оду Хераскова «О божественном величии», которую как образец гимновой поэзии поместил в своей «Словесности» и Й. Юнгман. Итак, имя Михаила Хераскова было наверняка известно Гавличку.

Знал ли он и его поэму о Владимире? Если принять как гипотезу, что Гавличек читал ее, то можно сделать несколько небезынтересных выводов в отношении «Крещения св. Владимира». По своему содержанию чешская сатира отвечает только первым пяти песням русской поэмы. Отсюда можно сделать заключение, что дальнейшие события из жизни Владимира, как их представил Херасков, совершенно не заинтересовали Гавличка и не удержались в его памяти.

Гавличек сам признавался, что мысль «сделать царя Владимира предметом шутливой поэмы» пришла к нему, когда он изучал в Москве русскую историю. Поэма Хераскова могла его прямо спровоцировать на такой шаг. До этой только границы и простирается наша гипотеза о том, что Гавличек знал поэму Хераскова еще до того, как начал писать свою «легенду из русской истории». Теперь снова можно перейти на твердую почву литературных фактов.

⁷ Knihovna Nár. múzea, sign. 76 A 46, с подписью: «Z Petrova, dne 25 Mája 1796» и печатью на титульном листе.

Что прежде всего бросается в глаза при чтении «Владимира» Хераскова и «Крещения св. Владимира» Гавличка — это общее для них обозначение Владимира «царем». Конечно, древние летописи никогда не называли так великого киевского князя; для Феофана Прокоповича Владимир также был «всех славенороссийских стран князь и повелитель». В противоположность этому поэма Хераскова без колебаний популяризировала очевидный исторический анахронизм, титулуя Владимира «царем» и лишь иногда называя его действительным историческим наименованием. В сатире Гавличка Владимир последовательно выступает как царь, поэтому его карикатурный образ мог служить для критики царского самодержавия вообще.

Совершенно очевидная близость между композициями русской поэмы и «легенды» Гавличка наблюдается в сходных описаниях княжеских и царских советов, о которых в летописях нет упоминаний. В двух действиях своей «трагедокомедии» вывел их на сцену уже Прокопович. Мастером изображения массовых сцен был Херасков, которому этот художественный прием был необходим для придания своим поэмам эпической широты. Уже в начальных песнях его «Владимира» мы видим две картины советов. Во второй «песне» совет богов был созван адским властителем мира («князем мира»), воплощенным в Перуне.

Нетрудно увидеть, как сходна с этой картиной аналогичная сцена «министерского совета» в седьмой песне «Крещения св. Владимира». Там тоже сидят царские министры в «тайном кабинете» и обсуждают необычный вопрос — проблему бога: «В главном вопросе все были || одинакового мнения: || без бога с простым народом || не выдержать». Делались различные предложения, как на место утопленного Перуна заполучить нового бога. После министров внутренних дел, внешних дел, министра финансов взяли следующие четыре министра, круг деятельности которых напоминает аналогичные «сферы влияния» языческих богов у Хераскова. Министр строек, подобно богу бурь и ветров Посвисту, предлагал меры практического характера. Министры права, просвещения и военных дел как бы стали противоположными полюсами судьбы ада Ния, бога света Знич и воинственного Чернобога. Конечно, они делали свои предложения совершенно в ином духе, чем боги у Хераскова, но смысл обеих картин в общей структуре поэм аналогичен.

Бросается в глаза сходство обоих произведений также и в сценах, изображающих, как представители различных религий старались добиться доверия Владимира и утвердить свою веру в Киевской Руси. При этом оба автора опирались на данные летописей, приспособлявая их к задачам своих произведений.

Херасков очень сгустил события, связанные с описанным в летописях приходом в Киев иноплеменных послов, восхваляющих каждый свою веру. Они сосредоточены у него в одной об-

ширной сцене, занимающей большую часть четвертой песни (по 2-му изданию). Представив всех трех иноплеменных послов, поэт с эпической широтой рисует красочную картину совета, созванного Владимиром для того, чтобы «веру лучшую из многих вер избрать», если гости подобающим образом разъяснят ему сущность своих религий.

Херасков при этом весьма отклонился от летописных сообщений. Взятые из них мотивы он подверг свободной обработке, руководствуясь задачами и потребностями своей поэмы. Он не только заставляет одновременно выступить всех послов на совете, но и в самое обсуждение, основанную на летописных материалах, вносит новые мотивы и аргументы, отражающие взгляды его эпохи.

Подобным же образом поступал в большинстве случаев и Гавличек в своем «Крещении св. Владимира». У него в десятой песне тоже «сбегаются в Киев» все чужеземные послы, участники «конкурса», объявленного на замещение вакансии бога. Правда, здесь не дана картина их общей аудиенции на киевском дворе, но по тому, как каждый из них читает перед Владимиром текст своего послания и по тому, как они ссорятся друг с другом, возникает полная иллюзия их встречи.

Чешского сатирика объединяет с русским писателем сходное критическое отношение к представителям римской церкви, которых Херасков упрекал в лукавстве, хитрости, стремлении править всем миром, в чрезмерной любви к золоту. Оба автора, в отличие от летописей, взяли под прицел прежде всего римского папу. У Хераскова оратор Латинцев пространно восхвалял всемогущество «пастыря над Тибром», о котором поэт уже до того говорил, что он, «отвергнув рубищи, порфирию облекся». Гавличек шел в своих хлестких насмешках еще дальше. Как только в восьмой песне его сатиры был объявлен конкурс на освободившееся место бога, первыми откликнулись на это римские кардиналы. Один из них сразу же побегал в Ватикан, чтобы сообщить папе сенсационную новость: «Святой отец, как только вскочил, || Был еще в рубашке, || Повелел, чтоб иезуиты || Собирались на Русь». Естественно, что в летописях нет упоминания об одежде папы. Если у Хераскова он, «отвергнув рубищи, порфирию облекся», то у Гавличка кардинал застал его еще в постели, «в рубашке».

Всю девятую песнь Гавличек посвятил «иезуитскому маршу», который распевали иезуитские послы на пути из Рима в Киев. У Хераскова прибытие иноземных послов было сразу же замечено: «Тогда молва гласит гремящею трубой, || Что видит трех мужей под градскою стеной, || Грядущих ко царю мужей иноплеменных, || В Россию веры их восставить устремленных».⁸ Вместе

⁸ Эпические творения Михаила Хераскова, ч. II. Изд. 2-е, исправленное, пересмотренное и дополненное, М., 1787, стр. 40. Это единственное издание, имеющееся в пражских библиотеках, содержит 15 песен. Далее ссылки на страницы этого издания даются в тексте.

с этими тремя «мужами иноплемными», как свидетельствовал в духе летописных сообщений Херасков, в Киев прибыли и многочисленные группы их сопровождающих. В описании совета Владимира с чужеземными послами Херасков предваряет речь представителя латинцев словами об их многочисленности и воинственном поведении: «И се! как пчел рой латинцы восшумели; || Они в устах соты, но в сердце яд имели» (стр. 46).

Гавличек также развил в обширную картину лаконичную констатацию летописей о приходе глашатаев разных вер. Его замечательный «иезуитский марш» ясно отразил мотив, выраженный у Хераскова одним стихом: «Они в устах соты, но в сердце яд имели». Каждая строфа иезуитского марша решена в двух плоскостях. В первом стихе, взятом из латинской молитвы, — как бы мед мнимой набожности; второй же стих, чешский текст, выдавал истинные мысли иезуитов. Конечно, ничего подобного не было в летописях. Таким образом, чешское «Крещение св. Владимира» сближает с русской поэмой и картина прихода чужеземных послов в Киев, критика римских «латинцев» и их лицемерия.

Кроме многочисленных общих точек в структуре и мотивах в сравниваемых нами произведениях, заслуживает внимания и излюбленная обоими авторами манера начинания каждой новой песни. Оба они часто переходят к конкретному действию от краткого вступления общего характера. У Хераскова, например, «песнь пятая» (второго издания) начинается так:

Лукавство не всегда ко злобе прибегает;
Оно и прелестью людей в беды ввергает.
Свирепый оный змий приемлет агчий вид,
Лобзая во уста, кинжалом грудь разит.
(стр. 55).

Сравним теперь вступительную строфу второй песни Гавличка, которая также представляет собой общую сентенцию:

Одна гора высока,
а другая — низка,
У кого нет своих музыкантов,
пусть на губах играет.

Если учесть, что вся сатира Гавличка, за исключением «иезуитского марша», написана в ритме украинских народных «коломиек», то оказывается, что даже своей ритмической стороной она не отстоит далеко от поэмы Хераскова.⁹ У Хераскова два тринадцатисложных ямбических стиха всегда чередуются с двумя двенадцатисложными, причем первая пара стихов — катаlecticическая, без последнего ударного слога. Все стихи имели паузу после третьей стопы, так что каждый стих можно было бы раз-

⁹ О ритме «Крещения св. Владимира» Гавличка см. работу Г. Омельченко: Н. Омельченко. Dějiny textu, стр. 18.

делить (как при чтении, так и графически) на две части, по числу слогов: 6 + 8, или 6 + 6:

Лукавство не всегда
 ко злобе прибегает...
Свирепый оный змий
 приемлет агнчий вид.

Гавличек последовательно писал в ритме трохея, отвечающего особенностям чешского языка. Его строфа всегда складывается из четырех коротких стихов, причем так, что два и два из них каждый раз повторяют то же ритмическое строение двух самостоятельных ритмических единиц из восьми и шести слогов. Для сравнения со стихом Хераскова четыре строки сатиры Гавличка можно было бы написать в двух строках:

Jedna hora vysoká je a druhá je nízká,
kdo nemá své muzikanty, na hubu si píská.

Именно такие строфы и стихи, которые избрал в своем «Крещении св. Владимира» мастер чешского стиха, наиболее соответствуют духу чешского языка и свидетельствуют об углубленном изучении автором ритмов народных песен. Используемая же им ритмика украинских «коломиек» привнесла в его «легенду из русской истории» мелодику восточноевропейского мира.

Оба произведения основываются на материале древних летописей, которые изменены в согласии с художественными задачами авторов. Но именно в этих отклонениях чешская сатира неоднократно сближается с поэмой Хераскова. Особенно близка она к ее второй и четвертой песням (по 2-му изд.), где изображены массовые сцены, «советы» и приход иноземных послов в Киев.

Известно, что произведение Гавличка осталось незаконченным. Он предполагал сделать кульминационными две песни, названия которых содержатся в общем плане «Крещения св. Владимира»: «Решающая битва между католиками и греками. — Крещение. Конец. Веселье». ¹⁰ Эти песни, само название которых говорит об их пародийной и сатирической направленности, должны были завершить историю «царя» Владимира, как о ней рассказывают летописи, а также, по-своему, Херасков. Молодому чешскому сатирику и одному из зачинателей критического реализма была безмерно чужда пышность и помпезность стиля «эпической поэмы» о Владимире. Если допустить, что Гавличек знал эту поэму, то мы глубже пойдем в его сатире немало мест, значение которых до сих пор не было полностью осознано. Но даже и без прямой зависимости одного автора от другого оба произведения заслуживают взаимного сопоставления. Оно еще раз свидетельствует о традиционной близости наших литератур.

¹⁰ См. книгу Карла Тумы: К. T ů m a. Karel Havlíček, стр. 592—593. Приведено также у Г. Омельченко: Н. О м е л ' ч е н к о. Dějiny textu, стр. 19.